

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА, ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ, НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Белов А. Н.

студент 2 курса, Институт истории,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Научный руководитель: Беседина Е. А.
кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

От Столыпина к Керенскому: два пути выхода из революционного кризиса From Stolypin to Kerensky: two ways out of the revolutionary crisis

В статье проводится сравнительный анализ методик управления двух фигур российской истории: П.А. Столыпина и А.Ф. Керенского. Исследованию подвергаются не только конкретные государственные мероприятия, но и способы взаимодействия с различными социальными силами. Отдельное внимание уделяется саморекламе. Пользуясь современными научными концепциями и данными исторических источников, делается вывод о методологической близости обеих политических систем. Исходя из этого, подтверждается преемственность одного режима по отношению к другому с точки зрения использования ими единого бонапартистского инструментария.

The article presents a comparative analysis of the management techniques of two figures of Russian history: P.A. Stolypin and A.F. Kerensky. Not only specific state events are being investigated, but also ways of interacting with various social forces. Special attention is paid to self-promotion. Using modern scientific concepts and data from historical sources, the author comes to the conclusion about the methodological proximity of both political systems. Based on this, the conclusion is made about the continuity of one regime to another in terms of their use of Bonapartist tools.

Ключевые слова: Столыпин, Керенский, революция, реформы, бонапартизм, социальное лавирование.

Key words: Stolypin, Kerensky, Revolution, Reforms, Bonapartism, Social maneuvering.

Революционный кризис, постигший Россию в начале прошлого века, является одним из наиболее ярких и изучаемых явлений отечественной истории. Деятелям данной эпохи, социально-политическим и экономическим процессам того времени посвящено немалое количество исследований. Вместе с тем историография обделила вниманием довольно значимый вопрос преемственности действий Временного правительства (1917) по отношению к чрезвычайно похожей на них политике царизма на завершающем этапе революции 1905–1907 гг. В условиях не отличающегося стабильностью современного мира сравнительный анализ указанных феноменов представляется весьма актуальным. Более того, понимание ошибок и неверных шагов каждого из правительств позволит избежать их трагического повторения в наши дни.

По этой причине в рамках настоящего исследования, на наш взгляд, имеет смысл остановиться на нахождении общих и различающихся черт императорского и временного правительств, проявившихся в первой четверти XX столетия. Для более конкретного и объективного сравнительно-исторического анализа обратимся к двум важнейшим фигурам того времени: П.А. Столыпину и А.Ф. Керенскому. Олицетворяя своей персоной политику каждого из режимов, эти выдающиеся деятели самым ярким образом отражают их управленческую и методологическую сущность. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть политический путь двух названных государственных чиновников высшего звена.

По нашему предположению, деятельность каждого из упомянутых лидеров может быть охарактеризована как бонапартистская. Согласно классическому определению, бонапартизм являет собой авторитарный способ управления государством, стремящийся к выходу из системного кризиса и установленный «по видимости» народного волеизъявления [9, с. 126]. К

основным чертам данной политической системы относится лавирование между социальными группами, сочетание прогрессивных и консервативных мер, общее отсутствие идеологии и наличие яркого лидера [1, с. 261–263]. Однако насколько применимы эти характеристики к российским реалиям начала XX в.? И можно ли говорить о преемственности указанных режимов с точки зрения использования ими единых управленческих методик?

Прежде всего и тот, и другой персонажи разделены относительно небольшим по историческим меркам временным промежутком, поэтому социально-экономическая обстановка оставалась единой для каждого из них. Это обстоятельство значительно упрощает сопоставление двух героев, избавляя нас от необходимости абстрагироваться от конкретных политических реалий исследуемой эпохи. Заметим, что в рамках данной работы характеризующийся сравнительным постоянством период от гибели Столыпина (1911) до начала Февральской революции (1917) нами затронут не будет, ввиду целого ряда типологических отличий названного временного промежутка от характерных для императорской России кризисных явлений.

Обратим внимание и на тот факт, что Первая русская революция, как и события 1917 г. имеют между собой много общего. Оба явления есть составные части единого исторического процесса – классической буржуазной революции [14, р. 7–9], попытки окончательного перехода к капиталистическому способу производства. Утвержденный в результате Великих реформ Александра II экономический базис (основанный на вольнонаемном труде и частной собственности) требовал создания и соответствующей политической надстройки. Это стало ключевым фактором начала как первой, так и второй революции в России. Также мы вынуждены констатировать, что основные проблемы российской действительности (рабочий, аграрный, национальный вопросы) оставались нерешенными и в 1906, и в 1917 гг. Постепенно тлея и вызревая, они порождали революционный кризис [6, с. 72–73], выход из которого приходилось искать обоим упомянутым персонажам.

Поэтому очевидна схожесть обстоятельств прихода к власти и П.А. Столыпина, и А.Ф. Керенского: кризис буржуазной революции, взаимный антагонизм общественных классов, разнообразные экономические и социальные трудности. Более того, в обоих случаях в российском обществе уже в целом сформировался получивший от революции выгоды буржуазный слой, главной целью которого было как можно скорее окончить смуту и утвердить собственное господствующее положение. Это роднит данных персонажей между собой, а также с другими историческими деятелями бонапартистского толка. Как известно, неотъемлемым фактором появления политики подобного рода является сильнейший революционный кризис, о чем мы уже писали ранее [1, с. 261].

Исходя из этого, для любого политика-бонапартиста первостепенно важно найти выход из сложившегося кризисного положения, прежде всего избавляясь от социальных противоречий, разрешение которых приведет к устранению целого ряда политических проблем. П.А. Столыпин, как известно, пытался сделать это с помощью опоры царского режима на многочисленное крестьянство, которое предварительно необходимо было вырвать из пут общинного землевладения и круговой поруки [12, с. 161–168]. По схожему пути пошел и А.Ф. Керенский. Прекрасно понимая значение многомиллионных сельских обывателей (небольшой частью которых было роздано оружие и военная униформа) в условиях революции 1917 г., он старался заручиться их поддержкой путем вступления в партию социалистов-революционеров. Как известно, именно ее аграрная программа, предполагавшая социализацию земли, пользовалась наибольшей популярностью среди населения. В этой связи представляется закономерным как использование отдельных ее элементов большевиками в качестве мер тактической необходимости, так и победа собственно эсеров на выборах в Учредительное собрание [8, с. 115].

Между тем было бы ошибкой полагать, что бонапартистский политик в своей деятельности опирается только на одну, пусть и многочисленную, социальную группу. Напротив, ему свойственен надклассовый характер. Бонапартисты традиционно пытаются объединить раз-

рожденные общественные силы вокруг своей власти путем сочетания прогрессивных и консервативных мер, «кнута и пряника» [1, с. 261–263]. Традиционным тому примером является П.А. Столыпин. Его премьерство (1906–1911) характеризуется набором противоречащих друг другу действий, что свидетельствует о лавировании правительства между интересами различных социальных групп. Одной рукой председатель Совета министров учреждал военно-полевые суды, другой – провоцировал конкурентную борьбу в Государственной думе, не подвергая сомнению право этого органа на законодательные полномочия. В высшей степени противоречивой мерой может быть названо совершенное по инициативе Петра Аркадьевича учреждение земств в Западном крае: с одной стороны, это был прецедент наступления на считавшиеся незыблемыми привилегии дворянства; с другой – закон националистического свойства [3, с. 96–97]. Идентичные черты можем встретить и в политике Керенского. Подавление июльского восстания слева и мятежа генерала Л.Г. Корнилова справа свидетельствует о стремлении режима Временного правительства приобрести общенациональный, выражающий интересы всех социальных классов характер путем аналогичного лавирования. Вместе с тем показателен и способ усмирения обоих волнений: применялись как вооруженная сила (казаки, армия и юнкера), так и переговоры, агитация и пропаганда. Заметим, что Керенский в деле Корнилова вынужденно прибег к помощи собственных политических противников – Петросовета и стремительно набиравшей в нем популярность партии большевиков.

Попытка консолидировать практически все социальные классы вокруг собственной политики прослеживается и в саморекламе каждого из названных режимов. Характерный пример подобного – многочисленные столыпинские речи. В одной из них он умело оправдывал собственные репрессивные меры, сравнивая их с «кровью на руках врачей», пролитой во имя исцеления «трудно больного» [11, с. 30]. Другие выступления премьера изобилуют призывами к национальной консолидации, к «спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды» [11, с. 48]. Не остался в стороне и Керенский. Эсеровские газеты за 1917 г. пестрят подобными пассажами, только вместо рассуждений о самобытности монархического строя и потребности в его сохранении здесь слова о «свободе», «демократии» и необходимости упрочения достижений революции [2, № 107, с. 2–3]. Характерно и похожее на столыпинское устремление Керенского оседлать идею рождения российской нации: уже в начале 1917 г. будущий министр-председатель желает видеть перед собой «сознательных граждан, творящих новое государство с увлечением, достойным русского народа» [10, с. 61–64].

Еще одна черта бонапартистского правления – сильная, четко выстроенная вертикаль власти. В случае со Столыпиным она обеспечивалась лояльностью испуганного революцией императора и верностью бюрократического аппарата: царский чиновник был одновременно и главой правительства, и министром внутренних дел. Керенский же, помимо работы в качестве Министра-председателя Временного правительства, был сначала руководителем военного ведомства, а затем и главнокомандующим армии, сочетая тем самым в своих руках гражданскую власть с властью милитаристской. Характерно для обоих бонапартистских политиков и использование во имя легитимации собственных действий органов народного представительства: в случае со Столыпиным это была Государственная дума, во времена Керенского – Петроградский совет, заместителем председателя которого являлся министр.

Отметим также харизматичность обоих лидеров как еще одну черту их бонапартизма. Любой режим подобного типа, как правило, основывается на признании авторитета и непогрешимости своего руководителя [1, с. 262–263]. Общеизвестно, что имя Столыпина стало синонимом идеального государственного деятеля эпохи заката Российской империи. Его эффективные, наполненные личным участием меры по усмирению революции в Саратовской губернии, по всей видимости, и обратили на заурядного чиновника внимание высших эшелонов власти [4, с. 29–30]. Дальнейшие меры Петра Аркадьевича, связанные с управлением государством (от реакции на покушения до эксцентричных речей в Государственной думе [11, с. 40]) прекрасно подтверждают означенный выше тезис. Подобную же картину наблюдаем и

в имидже Керенского. Как в собственных речах, так и в пропагандистской публицистике министр-председатель предстает олицетворением демократии, подлинно народным вождем, который не щадит «ни сил своих, ни здоровья, ни самой жизни своей» [2, № 110, с. 1]. Более того, довольно часто Александр Федорович лично вступал в полемику с оппозиционными ему ораторами. Неоднократно лидера революции, как и Столыпина, именовали «целителем». Наконец, нельзя упустить из внимания многочисленные характеристики Керенского в качестве «русского Наполеона», данные его современниками [7, с. 72–73, 76, 80]. Интересно, что бонапартистскую сущность министра подметили не только публицисты и его политические противники [15, р. 44–48], но и литераторы. Так, перу В.В. Маяковского принадлежат строки: «Глаза у него бонапартьи и цвета защитного френч» [5, с. 323–331].

Наконец, отметим и общий центризм, политическую беспринципность и того, и другого режима. Безусловно, в силу ряда обстоятельств первый из них должен был отстаивать историческую и верноподданническую легитимность самодержавного правления, а второй – прелести представительной демократии и буржуазно-либеральные ценности. Однако в своей сущности оба деятеля использовали те или иные идеологические штампы лишь для проформы. Как упоминалось выше, Столыпин, отстаивавший права дворянства и спасавший их поместья от черного передела, вводил земства в западных губерниях по правилам, предусматривавшим дворянское меньшинство в этих учреждениях. Он же, опиравшийся на законодательные органы, с легкостью убеждал царя в необходимости роспуска либо Государственной думы (1906, 1907), либо Государственного совета (1911). С Керенским – удивительно похожая история. Помимо названного политического эклектизма, заметим, что министр-председатель изначально не имел четкой политической программы. Например, в мемуарах В.В. Шульгина приведено следующее свидетельство: «[Для революции нужно] в сущности немного... Важно одно: чтобы власть перешла в другие руки. [...] Ну еще там... свобод немножко. Ну там печати, собраний и прочее такое...» [13, с. 434–435].

Таким образом, мы убедились в использовании и П.А. Столыпиным, и А.Ф. Керенским единых политических методик.

Для обоих государственных деятелей характерны все основные признаки бонапартизма: опора на различные социальные группы, лавирование между антагонистическими общественными силами с целью преодоления кризиса буржуазной революции, сочетание репрессивных и компромиссных мероприятий. Для оправдания своей деятельности оба актора русской истории начала XX в. использовали органы ее народной легитимации, власть обоих основывалась на харизме, общепризнанном авторитете и саморекламе. Наконец, и тому, и другому совершенно не присуще было наличие четкой политической программы и идеологии: все менялось в зависимости от обстоятельств и конкретно-исторической необходимости.

По этой причине мы можем судить о преемственности бонапартистского инструментария Керенского по отношению к похожим на него мерам Столыпина. Однако, разумеется, нельзя упускать из виду и существенные различия. Консервативный царский министр вынужден был действовать в рамках имперской бюрократической системы, в то время как революционному руководителю буржуазного правительства, не имевшему над собой императора, приходилось бороться с куда более значительной социальной стихией на фоне крупнейшего в истории человечества военного конфликта.

Список литературы

1. Белов А. Н. Три лика европейского бонапартизма: опыт сравнительно-исторического анализа // Актуальные проблемы науки: взгляд студентов: материалы Всероссийской с международным участием студенческой научной конференции: в 2 ч. / отв. ред. О. В. Кублицкая. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. Ч. 1. С. 260–263.
2. Воля народа. 1917. № 107. № 110.
3. Гайда Ф. А. П. А. Столыпин: консерватор и проблемы модернизации // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2012. № 5. С. 79–107.

4. Изгоев А. С. П. А. Столыпин: очерк жизни и деятельности. М.: Книгоиздательство К. Ф. Некрасова, 1912. 133 с.
5. Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 года). М.: Новое литературное обозрение, 2017. 520 с.
6. Первая революция в России: взгляд через столетие / отв. ред. А. П. Корелин, С. В. Тютюкин; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 602 с.
7. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций 27 февраля – 25 октября 1917 г.: в 5 т. Т. III. (6 мая – 2 июля 1917 года) / отв. ред. Б. Д. Гальперина, В. И. Старцев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 400 с.
8. Полюбина И. Б. Аграрно-крестьянский вопрос в программах политических партий в начале XX века // Финансы и кредит, 2002. № 22 (112). С. 111–117.
9. Протасенко И. Н. Бонапартизм: власть и ценности // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. Гуманит. и обществ. науки. СПб., 2012. Вып. 2. С. 125–129.
10. Речи А. Ф. Керенского о революции: с очерком В. В. Кирьякова «Керенский как оратор». Пг.: Б. и., 1917. 64 с.
11. Сборник речей Петра Аркадьевича Столыпина, произнесенных в заседаниях Государственного совета и Государственной думы (1906–1911). СПб.: Издание В. В. Логачева, 1911. 131 с.
12. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.
13. Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. М.: Новости, 1990. 851 с.
14. Hobsbawm E. J. The Making of a «Bourgeois Revolution» // Social Research. 1989. Vol. 56. № 1, The French Revolution and the Birth of Modernity. Pp. 5–31.
15. Shlapentokh D. The Counter-Revolution in Revolution – Images of Thermidor and Napoleon at the Time of the Russian Revolution and Civil War. London: St. Martin's press, 1999. 183 p.

Маслова В. А.

факультет истории и социальных наук,
ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
Научный руководитель: Никуленкова Е. В.
кандидат исторических наук, доцент,
ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Внешняя политика Индии в освещении советской периодической печати 1980–1984 гг. Foreign policy of India in coverage of the soviet periodical press in 1980–1984

В статье анализируются публикации, касающиеся основных направлений внешней политики Индии в 1980–1984 гг. За основу исследования были взяты материалы центральных газет СССР «Правда» и «Известия». Показано, как освещалась внешняя политика Индии в 1980–1984 гг. К 1980 г. Индия была важным игроком на мировой арене, отношениям с ней придавалось большое значение. Стремление Индии к разрядке международной напряженности преподносилось как поддержка миролюбивого курса СССР.

The article analyzes publications devoted to the main directions of India's foreign policy in 1980–1984. The study was based on the central newspapers of the USSR Pravda and Izvestia. It is shown how the foreign policy of India was covered in 1980–1984. By 1980, India was an important player on the world stage, relations with it were given great importance. India's desire to defuse international tensions was presented as support for the peace-loving course of the USSR.

Ключевые слова: внешняя политика Индии, Л.И. Брежнев, Индира Ганди, советско-индийская дружба, советская периодическая печать.

Key words: Indian foreign policy, Leonid Brezhnev, Indira Gandhi, Soviet-Indian friendship, Soviet periodical press.